

*В.Ц. Головачёв\**

**Советские и итальянские синологи в Китае:  
миссия культурного посредничества  
в годы «культурной революции»**

(по материалам проекта «Китаеведение – устная история»)

**АННОТАЦИЯ:** «Культурная революция» в КНР глубоко повлияла на судьбы советских и итальянских сиологов как минимум двух послевоенных поколений. Ретроспективный взгляд на судьбы этих людей выявляет много интересного, в т.ч. немало общего в их идеалах, мышлении, настроениях и поступках. Впервые приехав в КНР из СССР и Италии, они сталкивались с фактом «культурного разрыва», разделявшего их родной мир и культуру с миром и культурой Китая. Драматизм этого разрыва многократно усугубили априорные идеализированные представления о новом Китае и социальные пертурбации, связанные с «культурной революцией». В итоге, вопреки всем трудностям и испытаниям, иностранным синологам всё же удалось стать эффективными культурными посредниками между Китаем и окружающим миром. В статье даётся краткий обзор взглядов, деятельности и судеб 10 советских и 10 итальянских сиологов как культурных посредников между их странами и КНР в 1960–1970-х гг.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Италия, Китай, китаеведение, КНР, культурные посредники, «культурная революция», синология, Советский Союз, СССР, устная история.

Главным чаянием первых послевоенных лет была всеобщая надежда на вечный мир и создание нового, более совершенного, справедливого и мудрого миропорядка. После основания в 1949 г. КНР внимание планеты обратилось к новому Китаю. В конце 1950-х гг.

---

\* Головачёв Валентин Цуньлиевич, к.и.н., с.н.с., Отдел Китая Института востоковедения РАН; E-mail: [valliu@complat.ru](mailto:valliu@complat.ru)

мир вошёл в эру краха колониальной системы, эру кризиса традиционной идеологии, этики и морали. Новая эпоха сулила появление человека и общества нового типа, вела к активизации левых движений. Одним из новых проявлений политической жизни той эпохи стала «культурная революция» (далее — КР) в КНР (1966–1976). Все эти факторы сильно повлияли на взгляды и судьбы синологов как минимум двух послевоенных поколений, чей приход в профессию и первые встречи с Китаем пришлось на 1949 — начало 1960-х гг. и начало-середины 1970-х гг. Ретроспективный взгляд на судьбы иностранных синологов/специалистов (далее — ИС) в Китае выявляет немало общего в их идеалах, мышлении и настроениях.

Впервые приехав в КНР, ИС из СССР и Италии сталкивались с проблемой «культурного разрыва», разделявшего их родной мир и культуру с миром и культурой Китая. Преодоление разрыва было трудным испытанием, но одолевшие его становились эффективными культурными посредниками между Китаем и окружающим миром.

Первое знакомство с Китаем осложняли многие естественные и искусственные трудности (идеологические споры КНР/КПК с СССР/КПСС, отсутствие дипотношений между КНР и Италией, а также КР). Специфика эпохи, гражданство, социальное положение, личные интересы и жизненный опыт — всё это влияло на миссию ИС. В этой статье дан краткий обзор взглядов, деятельности и судеб советских и итальянских ИС как культурных посредников между их странами и КНР в 1960–1970-х гг.

#### *Общий групповой портрет китаеведов*

В работе использованы интервью с 10 итальянцами и 10 россиянами, жившими в КНР в годы КР.<sup>1</sup> Все россияне — специалисты-синологи. Среди итальянцев — 6 синологов. Прочие — дипломаты, журналисты, преподаватели итальянского языка, партработники. Женщины составляют менее трети от 20 чел. Советские ИС в целом старше итальянцев. Среди них нет рожденных в 1950-х гг., 8 из 10 чел. родились в 1930-х гг. и представляют одно поколение, в отличие от итальянских коллег.

---

<sup>1</sup> Тексты российских интервью опубликованы в Интернете и частично в печатном виде, итальянских синологов — пока только в Интернете (см. [2; 4]).

Герои интервью: основные данные									
СССР					Италия				
Имя	Пол	Год рож.	Специальность	Визиты в КНР в годы КР	Имя	Пол	Год рож.	Специальность	Визиты в КНР в годы КР
Шабалин В.И.	М	1931	Синолог	1961–1967	Crema M.	М	1927	Синолог	1966–1970
Чудодеев Ю.В.	М	1931	Синолог	1966	Jacobucci M.	М	1934	Диплом.	sc. 1971
Кычанов Е.И.	М	1932	Синолог	1964	Pisu R.	Ж	1935	Синолог	1957–1966
Желуховцев А.Н.	М	1933	Синолог	1957–1966–1967	Pesce O.	М	1938	Парторг	1963, 1966–1968–1975
Гитаренко М.Л.	М	1934	Синолог	1957–1964	Angelini S.	М	1942	Журнал.	1976
Лапина З.Г.	Ж	1935	Синолог	1957–1960	Azzarello N.	М	1943	Торгпр.	sc. 1971
Головачёва Л.И.	Ж	1937	Синолог	1961–1969	Calamandrei S.	Ж	1947	Синолог	1974–1975
Надточенко Б.Я.	М	1939	Синолог	1963–1964	Lavagnino A.	Ж	1950	Синолог	1974–1975
Горопцев С.А.	М	1940	Синолог	1962–1967	Mueller M.	М	1953	Синолог	1977–1979
Усов В.Н.	М	1943	Синолог	1965–1966	Masci M.R.	Ж	1955	Синолог	1974–1977–1976–1978

Ухудшение советско-китайских отношений негативно повлияло на синологию в СССР. Указанные советские ИС (стажеры, дипломаты, переводчики, преподаватели) побывали в КНР накануне и в первые годы КР, но почти никто из них не был в КНР с конца 1960-х до конца 1970-х гг. До начала 1980-х гг. Китай был закрыт для советских ИС, кроме дипломатов. В отличие от них, лишь трое итальянцев бывали в 1960-х гг. в КНР (члены торгпредства, журналисты, политики). Итальянские ИС не могли учиться и работать в КНР по специальности в 1960-х и начале 1970-х гг. Доступ к учёбе и занятиям синологией в Китае появились у них лишь после введения дипотношений с КНР (1972), ближе к завершающему этапу КР.

### Пребывание в Китае в годы КР

СССР (Годы/ Кол-во чел.)	Италия (Годы/ Кол-во чел.)
1960-е — 10	1960-е — 3
1970-е — 2	1970-е — 10

Мемуары россиян и итальянцев в целом диахронны и уже поэтому различны. Как две национальные ипостаси мировой синологии они существенно дополняют друг друга, позволяя воссоздать более цельный образ Китая и китайского народа времён начала и конца КР.

#### *Встреча с чужим миром. Вызовы адаптации к китайской реальности и расставания с иллюзиями*

Профессиональная и культурная миссия в Китае начиналась для всех ИС с первого визита в эту страну и адаптации. Адаптация включала переживание глубокого шока от разрыва между заочными иллюзиями и реальностью, преодоление языкового барьера, привыкание к быту, установление личных связей с китайцами и начало профессиональной деятельности (учёба, работа).

Шок от разрыва между заочными иллюзиями и реальностью был первым психологическим вызовом, о котором говорят почти все ИС. Выезжая в КНР в конце 1950-х гг., молодые советские ИС романтично ожидали, что едут в страну великой древней культуры и победившей революции, где народ успешно строит социализм под руководством КПК, с опорой на братскую помощь и опыт СССР (по образцу СССР). По словам З.Г. Лапиной, эйфория от ожидания первой встречи советских студентов с Китаем в сентябре 1957 г. была всеобщей [2, с. 263]. Об идиллическом заочном видении Китая как стране всеобщего счастливого равенства, навеянном рассказами членов итальянских делегаций, говорит и Рената Пису, прибывшая в Пекин в том же сентябре 1957 г.

В начале и середине 1960-х гг., после резкого охлаждения советско-китайских отношений и начала КР, настроения советских ИС были уже менее радужными. Но и тогда, выезжая в КНР, они сохраняли иллюзии, навеянные красивыми снимками из китайских журналов. По приезду их встречали шокирующие грязь, голод, всеобщая бедность и «синие робы». Типично в этом плане сообщение Б.Я. Надточенко, учившегося в КНР в 1963–1964 гг.:

– На границе всё было хорошо, китайцы встретили нас на высшем уровне. На одной из станций поезд стоял 20 минут. Я решил выйти на станцию, посмотреть. Это был ужас, который было трудно себе представить. Грязь, нищета...

- А до этого момента у вас какой-то образ Китая уже сформировался?
- По журналам, пейзажам...
- Насколько велико было расхождение?
- Очень велико!.. [4, Надточенко, с. 3].

Любопытно, что через 10–12 лет в схожей ситуации оказались студенты из Италии. Казалось бы, взгляды, мысли и настроения людей из мира капитализма, по ту сторону «железного занавеса» и на исходе КР, должны были быть иными, более объективными и критичными, чем у ИС из СССР. На деле, до приезда в КНР итальянцы тоже жили в плену иллюзий, навеянных официальной пропагандой. Наиболее точно и впечатляюще описала эту ситуацию М. Маши, прибывшая в КНР в сентябре 1976 г.:

Для нас после краха идеалов в Советском Союзе Китай представлялся страной, решившей проблемы при помощи народного правления, культурной революции и пр. Моя мотивация проистекала из всей той утопической лихорадки по этой стране. <...> Я читала журналы, такие как «Китай», ... «Китай на стройке» и т.д. Мой образ Китая базировался на этих журналах, поэтому... я представляла нечто вроде Швейцарии, где всё чисто, совершенно, работоспособно, справедливо... Когда же я прибыла, у меня случился первый шок... Меня очень шокировала общая бедность... Нет, я была не в Швейцарии... Шоком было понимание, что ничто из того, что я читала, не было правдой... [4, Masci, с. 8–10].

Слова о китайской «Швейцарии» показывают, что априорные взгляды итальянцев были политизированы, утопичны и ещё более далеки от реальности, чем у советских ИС. Многие юные итальянцы и сами были в те годы левыми «маоистами», поскольку в пору отсутствия дипотношений основные каналы связей между Римом и Пекином контролировали КПИ и другие левые партии. Их вера в маоизм сохранялась и после встречи с Китаем, а расставание с иллюзиями было очень долгим. С. Каламандрэй, ставшая маоисткой в середине 1960-х гг. и не слушавшая советы своего отца, преодолела свои иллюзии лишь в конце 1970-х гг. в Италии:

В свои 20 лет [в 1966] я с энтузиазмом смотрела на маоизм и культурную революцию... Я думала, что Китай должен вдохновить Италию... Мой отец предупредил меня: «Будь осторожна, потому что то, что они показывают, не всегда соответствует реальности. Это как «потёмкинские деревни» в России. Но в то время я думала, что мой отец — ревизионист... Я

осознала ситуацию после падения «банды четырёх», когда поняла, как непопулярны они были и какое облегчение ощутили после этого китайцы [4, Calamandrei, с. 5–7].

Второй большой проблемой был языковой барьер. «Домашний» китайский у ИС обеих стран имел мало общего с живой речью. Чтобы исправить этот пробел, приходилось заново учить китайский, брать уроки у местных учителей, учить разговорный в общении с простыми китайцами (техперсонал, научные руководители и ассистенты, студенты и аспиранты, знакомые и пр.).

Осенью 1962 г. нас вместе со студентами из Ленинграда и Ташкента направили на полугодовую языковую практику в Пекинский университет. Язык у нас был на таком зачаточном уровне, что пограничников мы не понимали. Практика, конечно, многое изменила [4, Горощев, с. 7].	Приехав [в Китай]... мы не могли сказать: «Я голоден», «Где туалет?», «Я хочу спать». С другой стороны, мы могли сказать: «Укрепление дружбы между двумя народами»... Нам не хватало повседневного словарного запаса [4, Masci, с. 9].
--	--

Устройство жилья, одежда и питание тоже были важными элементами бытовой культуры, к которым пришлось привыкать ИС. Они постепенно привыкали к простым условиям общежитий без горячей воды и отопления, но попытки питаться в столовых вместе с китайцами завершались скорым возвратом к более сытому питанию в столовых для иностранцев либо кишечно-желудочными инфекциями. Курьёзную встречу двух пищевых традиций упомянул М.Л. Титаренко, которого повара из университета Фудань встретили первым «обедом» в виде буханки хлеба из лучшего ресторана Шанхая [4, Титаренко, с. 25, 26].

Кроме проблем общей адаптации, с начала 1960-х гг. советские ИС встречали растущие помехи в работе, общении с коллегами и с простым народом. Е.И. Кычанов упоминает, что трое советских ИС учили в 1964 г. китайский язык, но китайцы не дали им работать по специальности. В свою очередь, посольство СССР в Пекине тоже мешало встречам ИС с китайцами. Например, саботировало их встречу 1 мая с Чжоу Энь-лаем [2, с. 230–232].

Ограничения со стороны китайских властей усиливались и к началу КР переросли в плотную изоляцию и «вакуум общения». Вот что об этом пишут А.Н. Желоховцев и М. Крема:

<p>Однажды [в 1965], вернувшись с урока, я заговорил с Ма о странном положении иностранца в их стране. Уже месяц, как я здесь, но со мной никто, кроме него самого да официальных лиц, не разговаривает. Обидно быть в Китае и не общаться с китайцами, не слышать живой китайской речи, не говорить самому.</p> <p>... Во время поездки по стране [летом 1966] я познакомился со многими иностранными студентами, обучавшимися в Китае. Все жили скучно и остро чувствовали одиночество, свою искусственную изоляцию от китайских студентов, в первую очередь, и вообще от народа. Поэтому друг к другу иностранцы относились хорошо, охотно встречались, обменивались впечатлениями о происходящем на наших глазах [3, с.18, 183].</p>	<p>В Пекине [в 1966–1970] вы могли ходить повсюду и вас всегда приветствовали улыбками, потому что люди думали: «Если этот иностранец здесь, значит, он должен быть другом Китая». Только если вы шли мимо советского посольства, дети кидали в вас камни.</p> <p>... [В поездах] я один занимал весь вагон, там не было больше никого. Каждый раз, когда я входил в вагон-ресторан, из него выдворяли всех, чтобы оставить меня одного... К нам относились хорошо... Мне казалось, что на самом деле они хотели контактировать, поговорить с иностранцем, но боялись и не делали этого. Однако они доказывали это улыбками или другой мелкой экспрессией. Я тоже боялся, если кто-то заговаривал со мной. Боялся, что это агент или провокатор. Поэтому там не было контактов, помимо каких-то мелких эпизодов [4, Crema, с. 4, 5, 12, 16].</p>
--	--

Для советских ИС апогеем изоляции стал вынужденный переезд из кампусов в посольство и досрочный выезд на родину. После их отъезда в 1966 г. и до конца 1970-х гг. академические связи между СССР и КНР полностью прервались. Лишь единицы бывали в КНР по работе (дипломаты, торгпреды, журналисты) или по семейным причинам (Головачёва — до 1969 г.). Но и они были строго ограничены в личных контактах с китайцами.

Изоляция и «вакуум общения» вокруг ИС сохранялись до середины 1970-х гг. К тому времени простых китайцев уже отучили от общения с ИС. Как вспоминает Азарелло, возглавивший в 1971 г. офис торгпредства Италии в Пекине:

Китайцы и иностранцы не могли беседовать, не могли даже пытаться беседовать, пожимать руки, приветствовать, ничего. Это не было просто языковой проблемой. Им запрещалось обращаться к нам, а мы не делали этого, чтобы не навлечь на них неприятности. Наше общение фильтровалось переводчиками и чиновниками, которые работали с нами, возили нас всюду и с кем мы общались по общим делам [4, Azarello, с. 4].

Отсутствие дипотношений ставило итальянцев в уязвимое положение, поэтому ощущение опасности было двусторонним. Даже китайские *ганьбу*, отвечавшие за приём и работу с ИС, всё ещё боялись общаться с ними. Маши сообщает, что в Шэньяне их просто запирали на ночь в общежитии и вынуждали просить разрешения даже на походы в бассейн. ИС постоянно ссорились с администраторами и не могли найти взаимного понимания, а простой народ боялся общаться с ИС. В библиотеке ИС даже в 1976 г. не могли получить нужные книги.

Отношение к ИС постепенно улучшилось лишь после смерти Мао, ареста «банды четырёх» и окончания КР, когда китайцы смогли отбросить вынужденный самоконтроль. Маши сообщает, что один *ганьбу*, прибывший на стажировку из Шэньяна в Нанкин в 1977 г., даже подошёл к ней и Марко Мюллеру и принёс им извинения [4, Masci, с. 4].

После 1976 г. ИС вновь превращались из «шпионов» и изолированной касты в обычных людей, коллег, соучеников и партнёров по общению. Но процесс нормализации связей был постепенным и трудным.

***Коммуникационные вызовы: прорыв «революционной» изоляции (ограничений и запретов), общение с ганьбу, простыми людьми, революционными и контрреволюционными элементами***

Запреты и ограничения на общение с китайцами очень мешали ИС. Перемещение по кампусу и выезды в город были разрешены, но для поездок по стране и выезда из Пекина дальше 10 км от пл. Тяньаньмэнь требовались особые разрешения, кроме поездок на Китайскую стену в Шисаньлин. Нарушения запретов сулили проблемы. Как вспоминает Азарелло, однажды на обратном пути в Пекин он сбился с пути и заехал в деревню, где их с женой задержали местные жители:

Они продержали нас там много часов. Мы хотели пить, но не могли выйти из машины и ничего не видели, потому что дети полностью закрыли окна своими телами. Полиция удерживала нас до тех пор, пока не получила из Пекина ответ о том, что с нами всё в норме, наши въездные документы в порядке [4, Azarello, с. 9].

Самым негативным итогом изоляции для ИС был разрыв рабочих связей: исчезновение «контрреволюционных» преподавателей, отказ в общении с учёными, отмена занятий, лимиты на допуск к библиотекам и книгам... Не поощрялись и нерабочие связи с простыми китайцами. Как пишет А.Н. Желоховцев:

Изоляция, созданная вокруг, воспринималась искусственной и неестественной, каким-то извне навязанным карантином,



которому вынужден подчиняться этот пёстрый и радушный город и любопытный люд, живущий в нём [3, с. 45].

Подобная изоляция создавала неестественное, неудобное для всех положение. В итоге, обе стороны находили пути для обхода препон и запретов, игнорировали или прямо нарушали их. Как сообщает Каламандрэй:

Я всегда ходила питаться в китайскую столовую... Китайская столовая была самой дешёвой, а пища очень плохой. Но это был единственный способ встречаться с китайскими студентами [4, Calamandrei, с. 7, 8].

Методы и формы прорыва изоляции были разными: официальные и неофициальные, открытые и скрытые, спланированные и случайные, регулярные и разовые. Это были запросы на помощь консультантов, на поездки за город и по стране, редкие визиты китайских друзей в общежитие, публичные споры с «революционерами», чтение *дацзыбао* (ДЦБ), общение со встречными, беседы с *ганьбу* и рабочими в поездках по стране, общение с китайскими друзьями в домашних условиях и пр.

Вопреки запретам и рискам общения с ИС, китайцы порой сами обращались к ним как к нейтральным свидетелям (даже неким «арбитрам») с политическими призывами, объяснениями, оправданиями, вопросами и просьбами советов. Учившиеся в СССР китайцы приходили к советским однокурсникам в Пекине, сообщали о происходящем вокруг и с ними лично. Немало таких случаев общения с друзьями, коллегами и соседями по университету Цинхуа приводит в своих дневниках Л.И. Головачёва.

Даже в разгар КР простые китайцы находили скрытые способы для выражения дружеских чувств к СССР. Так, А.Н. Желоховцев приводит целый ряд показательных случаев «прорыва изоляции» путём случайного, спонтанного общения в форме конфиденциальных бесед, а также невербального общения на улицах путём жестов, мимики и даже мелодий. Например:

Я смотрел китайские фильмы ... по субботам, вместе с китайскими студентами. Ма (фудао) всегда был рядом и старался, чтобы никто со мной не разговаривал. Но я садился у самого края, и в темноте кинозала ко мне часто подсаживались и приветливо заговаривали» [3, с. 32, 26–30, 37–38, 94].

Как сообщает А.Н. Желоховцев, простые китайцы не только выражали дружеские чувства, но и зывали к советским ИС как к свидетелям «революционных» гонений. Не ожидая помощи, они просто хотели, чтобы советский ИС увидел дело рук *хунвэйбинов* [3, с. 170–172].

Поразительно, что к ИС обращались не только жертвы, но и активисты КР. Ночная исповедь преподавателя из числа «левых элементов», поджидавшего советского стажёра поздно ночью у стен общежития, — пример того, как среди полного хаоса даже самые рьяные «революционеры» искали внутреннюю опору через диалог с «советским ревизионистом»:

Вы не способны понять, что такое наша жизнь. Каждый из нас непрестанно подвергается опасности. У нас каждый год обязательно движение, а стать его жертвой легче лёгкого. Я с «левыми», чтобы уцелеть самому... Что думаете вы, советский человек, о культурной революции? <...> Я вот и хотел посоветоваться, что мне делать. Вы не знаете, что будет с «левыми»? Что говорят иностранцы? Что думаете вы сами, советские? <...> А что бы вы делали на моём месте? <...> Сейчас для нас главное — пережить культурную революцию [3, с. 116–122].

Наконец, даже не смея открыто говорить с советскими ИС на улицах, китайцы находили способы выразить дружбу языком жестов, улыбками и даже свистом:

В канун праздника 1 октября <...> я шёл по пекинской улице, насвистывая марш из кинокомедии «Весёлые ребята» — не потому, что мне было тогда весело, а просто вспомнил свою родину... И мне ответили, как эхо, проходившие мимо китайские студенты. Они тихо просвистали мне тот же знакомый, давно не слышанный ими мотив, когда-то любимый в Китае, и от этого сразу потеплело на душе. Я верю, что советская песня найдёт отклик в Китае [3, с. 215].

В целом, позиции революционеров и *ганьбу* в отношении ИС были двоякими. Одни заявляли, что КР — внутреннее дело Китая и не касается ИС, поэтому ИС не должны вмешиваться и им нельзя читать *дацзыбао*. Другие полагали, что ИС должны читать *дацзыбао*, чтобы верно понять КР. Одни считали, что ИС не понимают Китай, что надо делать КР, а не оглядываться на иностранных «ревизионистов». Другие считали, что *хунвэйбинам* нужно пропагандировать КР. Одни не желали или боялись общаться с ИС, а другие охотно беседовали с ними [3, с. 96, 94, 168, 202–203].

По иронии судьбы ИС имели большую свободу перемещений и защищённость от «революционных» нападков и порой становились важным источником сведений для самих китайцев, запертых в разных углах кампуса. Тем самым *ганьбу*, что призывали не читать *дацзыбао* и не касаться «внутренних дел», приходилось расспрашивать иностранцев о том, что происходит в кампусе и в городе.

В целом, с начала 1960-х гг. советские ИС сталкивались с растущей изоляцией, приведшей к их почти полному исходу в 1966–1969 гг. Для тех, кто остался в КНР, изоляция стала тяжелейшим испытанием: из «старших братьев» они превращались сначала в «ревизионистов», потом в «шпионов», а затем в своего рода «неприкасаемых». С ущербным статусом изолированных «неприкасаемых» столкнулись и первые итальянские студенты, прибывшие в КНР в середине 1970-х гг. Свидетельство М. Маши:

Китайцы всё ещё боялись вступать в контакт с иностранцами... Если ты контактируешь с иностранцами, ты рискуешь быть схваченным как шпион. Китайцы глазели на нас, но никогда не заговаривали. <...> Мы всегда чувствовали себя под наблюдением... Мы заходили в рестораны и пытались поговорить там с китайцами. Однако беседы наши ограничивались вопросами «Откуда вы?» и «Чем вы занимаетесь?» [4, Masci, с. 3–5, 7].

Степень изоляции ИС зависела как от времени (этапов КР), так и от места пребывания внутри Китая. Советские ИС отмечали, что было легче общаться с *ганьбу* и народом вне Пекина, на юге страны, в Шанхае и в западном Китае. Маши сообщает, что в Шэньяне в середине 1970-х гг. контроль был куда строже, чем в Пекине, а наиболее свободно ИС жили в Нанкине.

Таким образом, вопреки искусственной изоляции ИС, даже в худшие годы КР она не была полной, а попытки её прорыва предпринимались с обеих сторон. Для китайцев эти попытки были крайне опасны. Немногие китайцы, осмеливавшиеся общаться с ИС с середины 1960-х гг., вызывали подозрения, подвергались допросам, критике и преследованиям [4, Торопцев, с. 7, 8]. Самим ИС попытки свободного общения тоже сулили неприятности: расспросы и даже угрозы, реже — прямое насилие. Хотя ИС были ограждены от пертурбаций КР своим иностранным статусом, они не были вполне защищены от нападков и иногда оказывались в крайне опасных ситуациях, когда их ругали, кидали в них камни, плевали, били цитатниками, засвечивали плёнки, мешали свободному проходу и даже задерживали как «шпионов» (см. интервью: Азарелло, Головачёва, Желоховцев, Торопцев, Усов, Чудодеев и др.).

#### ***Миссия межкультурного посредничества внутри и вне КНР***

##### ***а) Миссия в КНР: статус и роль ИС как культурных посредников***

ИС были по-разному вовлечены в события КР: активно и пассивно, открыто и скрыто, добровольно и вынужденно. Китайцы постоянно и в разных формах обращались к ним с критикой, спорами

и объяснениями, расспрашивали про СССР и Запад, о ситуации в Пекине и в Китае. В этих случаях ИС выступали как свидетели, оппоненты в спорах или объекты пропаганды с особым, но не всегда неприкосновенным статусом. В условиях массового аффекта, полной неопределённости, экстремальности и непредсказуемости событий ИС были очень странным и едва ли не единственным, но ощутимым и значимым островком устойчивых культурно-нравственных ценностей и ориентиров, внешне полностью опрокинутых валом КР. Неслучайно к ИС регулярно апеллировали и жертвы, и палачи, простые люди и *ганьбу*, втянутые в водоворот КР. Вопреки своей мизерной численности и глубокой изоляции, ИС по-прежнему играли важную роль культурных агентов, уже одним присутствием демонстрировавших истинное соотношение псевдокультуры КР с основами реальной общечеловеческой культуры и цивилизации. По ходу КР статус ИС в Китае постепенно менялся от позитивного к негативному, а потом снова от негативного к позитивному.

*б) Культурная миссия на родине: слово правды о КР и личные воспоминания о «культуре» и «революции» в Китае*

По возвращении домой ИС выступали там как эксперты по Китаю теперь уже с обратной миссией культурной презентации Китая в своих странах. Но условия на родине были тоже очень сложны. Многие ИС не имели работы по специальности и даже вынужденно меняли профессию. Их сообщения о реалиях Китая и КР встречали разное, неоднозначное, иногда даже негативное отношение властей и населения.

В эти годы СССР и Италия сильно отличались в плане публичного и официального отношения к маоистскому Китаю. Судя по интервью итальянских синологов, в Италии не было условий для откровений. Вернувшись в Италию и не имея шансов говорить правду о КНР, Р. Пису даже оставила на время занятия синологией:

Я оказалась в ужасном хаосе. Все здесь думали, что КР была единственной надеждой человечества. Я знала, что это неправда, но не могла говорить этого, иначе бы меня подвергли нападкам. Я не могла говорить ничего, поэтому заткнула себя. Я не могла говорить ничего плохого о КР, маоизме и т.д. <...> Если бы я заговорила, то присутствующие там [в Милане, на конференции по КР] маоисты заявили бы, что я фашистка и реакционер, продавший империализму... Я стала журналистом потому, что не могла говорить о Китае. Я начала писать в журналы и газеты о чём-то совершенно постороннем... Я не хотела писать ничего о Китае [4, Pisu, с. 12–15].

В СССР, напротив, в те годы активно поощряли разоблачения ужасов КР и критику маоистского Китая. Огромными тиражами выходили статьи и книги, переведившиеся на десятки языков. В СССР и соцстранах читались публичные лекции о положении в КНР, проходили закрытые встречи «Интеркита» по вопросам политики в отношении Пекина [1; 3].

Таким образом, у себя на родине советские и итальянские ИС вновь столкнулись с непростым выбором ответов на старые и новые вопросы: «Является ли КР внутренним делом Китая, не касающимся иностранцев, или это общее дело? Была ли это революция? Была ли она культурной? Чем это было на самом деле? Хвалить или осуждать КР? Заниматься наукой или пропагандой? Молчать или говорить правду о КР?».

Судя по воспоминаниям ИС, их ответы на эти вопросы были разными, но судьбоносными практически для каждого из них. Одни ИС отказались писать о Китае и на много лет ушли из профессии (Пису). Другие, напротив, ещё теснее связали свою судьбу с Китаем (Головачёва). Одни ушли в академическую науку, другие активно приобщились к критике маоизма и КР. Как вспоминает А.Н. Желоховцев:

Когда я приехал в Москву, мне сказали, что средневековье надо забыть, а вместо этого заняться критикой маоизма. <...> Я занялся тем, что начал писать критические статьи о безобразиях «культурной революции». Это считалось крайне важным и необходимым делом. Мне повысили зарплату и дали старшего научного сотрудника, не за какие-то заслуги, а за то, что я был в Китае и видел «культурную революцию», могу о ней писать с позиций очевидца. <...> Китайцы не могли ничего сказать, их убили бы, а здесь у нас мы могли это говорить. Я считал, что пусть уж я скажу. <...> Я смотрел на свою работу как на дело полезное и занимался охотно, охотно писал. Кроме того, я ещё рассказывал о Китае, о «культурной революции», было очень много выступлений и на телевидении, по линии «Общества знаний», Академии наук, ежегодно выступал в Курчатовском институте [4, Желоховцев, с. 41, 42].

Впрочем, критика маоизма и КР в СССР также имела свои пределы, т.к. на определённом уровне обнаруживала параллели с самим Советским Союзом и КПСС, на что указывал Ю.М. Гарушянц [2, с. 67, 68; 4, Шабалин, с. 36].

В целом, тексты интервью, записанных в рамках проекта «Китаеведение — устная история», содержат ценные сведения о Китае времён КР и о мировой синологии, в т.ч. о судьбах многих советских и итальянских сиологов, принявших на себя в те непростые

годы миссию культурных посредников и «гигантов диалога» с Китаем. Большинство из них успешно справились с этой миссией, которая, однако, не завершена и по сей день.

### Литература

1. Головачёв В.Ц. Китай, «Интеркит» и синология за «железным занавесом»: международные связи отечественных китаеведов в советский период // Восток–Запад: историко-литературный альманах: 2013–2014 / Под ред. акад. В.С. Мясникова. М.: Наука, 2014. С. 123–138.
2. Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. М.: ИВ РАН, Крафт+. М., 2014. Т. I. 496 с.
3. Желуховцев А.Н. «Культурная революция» с близкого расстояния. М., 1973. 263 с.
4. Научно-образовательный центр по изучению материкового Китая и отношений через Тайваньский пролив, Департамент политологии, Тайваньский государственный университет. Сайт: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/act02.php>

*V.Ts. Golovachev\**

#### **Soviet and Italian sinologists in China: mission of cultural mediators during the “Cultural revolution”**

**ABSTRACT:** This paper is based on the interviews with 10 Russian and 10 Italian sinologists and specialists, recorded in 2009–2014 as a part of the “Oral history — the epistemology of China Studies” project. It provides a brief comparative review of personal perceptions, activities and fates of Soviet and Italian experts, acting as most loyal and generally very effective cultural mediators between their homeland and China, as much as inside China, during the “Cultural revolution” in 1960–1970s.

**KEYWORDS:** China, cultural mediators, “Cultural revolution”, Italy, oral history, PRC, Russia, sinology, USSR.

\* Golovachev Valentin Tsunliyevich, PhD (History), senior researcher, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; Russia; E-mail: [valliu@complat.ru](mailto:valliu@complat.ru)